

[На главную](#) » [Статьи](#) » [Письма из Нью-Йорка](#)

Потрясающая Патрисия

Публикация от 05 Августа 2010 г.

Дочь Маяковского предпочитает, чтобы к ней обращались по-русски - Елена Владимировна.

85 лет назад знойным летом 1925-го, в Нью-Йорк приехал пролетарский поэт, символ революции — Владимир Маяковский.

Они познакомились на вечере. Он открывал публике свои стихи, а 20-летняя Елена Петровна Зиберт — Элли — их переводила. Поэта покорили ее природный

ум и интеллигентность, простота и шарм, без малейшего намека на то, что ныне называют «секси».

Потом они бродили по зоопарку в Бронксе, он читал ей стихи про жирафа и кенгуру. Чувствительная к языкам, она сравнивала его виртуозное владение русским с пением соловья. Она спросила его, как пишутся стихи. В ответ он написал небольшую книжку и назвал ее «Как делать стихи».

В их отношениях поселился кто-то третий. Имя ему — любовь. Так прошло два месяца. Незадолго перед отъездом его обокрали, и Америку он покидал без цента в кармане. Купил билет в самую дешевую каюту на пароходе.

Она в слезах вернулась с пристани домой и обнаружила, что вся ее постель усыпана забывками. Таким он был.

От необычного союза родилась дочь, которая получила два имени: русское Елена и ирландское — Патрисия. Казалось, она с детства избегала славы. Сначала звалась Патрисия Джонс, а после замужества — Патрисия Томпсон. Людей с такими фамилиями в Америке тысячи.

Живет Патрисия Томпсон в районе Вашингтон Хайтс, самой высокой части Манхэттена. Справа Гудзон. В этих местах с середины прошлого века стала селиться в основном русская интеллигенция: художники, музыканты, писатели.

Дом, где живет Патрисия, построен в 1940-х годах. Вернее, это комплекс, именуемый «Хадсон Вью Гарден». Когда-то окна его действительно смотрели на Гудзон. Сейчас, к огорчению старых жильцов, новые дома загородили великолепный вид.

Двадцать лет назад она открыла себя миру. Ей было 65. Сейчас, в свои 84 она преподает в Городском университете Нью-Йорка и работает над новой книгой, которая станет продолжением ее бестселлера «Маяковский в Манхэттене. История любви». Ее мать была членом Конгресса русских американцев. Сейчас Патрисия сама активно участвует в работе Русско-Американского культурного центра «Наследие» и видит в деятельности организации продолжение той работы, которой посвятила свою жизнь Елизавета Джонс.

— Елена Владимировна, Ваша мать посвятила себя распространению русской культуры вдали от родины. Чувствовали ли Вы себя русской

до того, как побывали в России?

— Безусловно. Но хотя я и осознавала себя русской, не помышляла попасть в Россию, не учила русский, не читала произведения Маяковского и, тем более, книги о нем. У всех есть матери и отцы. У меня тоже, и я воспринимала моих родителей как что-то естественное.

Когда я была девочкой, мама брала меня с собой в русскую деревню Чураевку. Это в штате Коннектикут, где расположена известная сегодня вертолетостроительная корпорация «Сикорский». В то время многие русские мужчины, в том числе и русские аристократы, работали на заводе «у Сикорского».

— Каковы были отношения Вашей семьи со старой русской аристократией?

— Для нас это был сложный вопрос. Люди, среди которых я росла, были небогаты и не привилегированны.

Со стороны русской аристократии я чувствовала к себе некое презрение, и потому ощущала себя в какой-то степени обделенной. Но мы не могли афишировать, что отец был знаменитым. Мама никому, кроме очень близких друзей, не раскрывала имени отца. Это было опасно. Много странных вещей случалось в Америке с русскими. Кульгин, который познакомил маму с Маяковским, при странных обстоятельствах утонул. Мама все время говорила, что мы должны быть осторожны: никогда не знаешь, что может случиться. Но я все равно расстраивалась, когда русские аристократы демонстрировали свое превосходство. Мама поддерживала точку зрения Толстого, что не следует излишне афишировать свое происхождение, свои титулы. Вот это философия, с которой я выросла.

— Вы выросли с именем Патрисия. Сейчас предпочитаете, чтобы в России вас называли Елена. Кстати, имя «Елена Владимировна» стоит и на дипломе к медали, которой Вас наградили в Московском университете имени Ломоносова...

— И я этим очень горжусь. Скажу, что даже больше, чем самой наградой. Это признание меня как дочери моего отца. Маяковский называл нас с мамой «две Элли». Мама — Елена — была большой Элли, а я — маленькой. Красивое русское имя «Елена» дала мне моя крестная, княгиня Елена Святополк-Мирская, которая была лучшей подругой матери еще в России. Еленой звали и мою бабушку по материнской линии. А мое американское, вернее — ирландское имя дали мне в честь маминной лучшей подруги Патрисии. Когда Маяковский уехал, Патрисия помогла маме найти квартиру. Они хотели ее снять, но в те времена в таком деле важно было поручительство мужчины, он должен был подписать все необходимые бумаги. И мамин муж — Джордж Джонс, хотя они тогда фактически не жили вместе, дал свое поручительство. Он также записал меня на свое имя, когда я родилась, хотя знал, кто был моим отцом. Это был удивительно благородный человек и прекрасный отец: заботился о моем образовании, поощрял увлечение творчеством. Я писала абстрактные картины, и до сих пор храню один из натюрмортов, который написала в 17 лет.

Когда я была уже подростком, мама окончательно развелась с Джонсом и во второй раз вышла замуж. Отчим был немцем, и тоже бездетным. Так что у меня было два прекрасных отчима.

Пока мама и отчим были живы, я нигде не говорила о родном отце. Я просто не могла дать понять своему отчиму, что он значит для меня меньше. И, к тому же, я боялась...

— Как долго боялись?

— Пока была жива Лиля Брик и был жив ее приемный сын. Она лично была сильно заинтересована в том, чтобы я не существовала.

Брик старалась все время держать Маяковского под контролем. Чтобы отвлечь его от мамы, она через свою сестру в Париже познакомила его с Татьяной Яковлевой. Много лет спустя ее дочь Фрэнсин Грэй сделала монополию из отношений ее матери с Маяковским.

В 2002 году в журнале *The New Yorker* появилась ее статья «Последняя любовь Маяковского». «Последней любовью» она называет свою мать и приводит дату их знакомства — 25 октября 1928 года. Интересно, что на следующий день Маяковский из Парижа написал маме в Ниццу письмо, в котором просил разрешения увидеть нас: «Две милые, родные Элли! Я по вас весь изсоскучился. Мечтаю приехать к вам хотя бы на неделю. Примете? Обласкаете?» Письмо датировано 26-м октября. Когда мы в первый (и единственный) раз встретились, я запомнила только его большие ноги. Больше мы не виделись. Мама была очень осторожна.

Как ученый, я спрашивала себя, как это случилось. Анализируя отношения Маяковского с семьей Брик, я пришла к выводу, что Осип и Лиля формировали его как поэта и одновременно использовали его талант. Для всех троих этот союз был большой удачей. Вероятно, Осипу также, по личным соображениям, было выгодно, чтобы у Лили, если и был любовник, то не на стороне, а рядом, в поле его зрения. Сама же Лиля признавалась, что самой большой ее любовью всегда был Осип.

Подробнее эти взаимоотношения я рассматриваю в книге, над которой сейчас работаю — «Mayakovsky American Love Child».

Многие годы единственным полуофициальным источником сведений о поэте была Лиля Брик. Сейчас моя очередь, используя диктофонные записи разговоров с матерью, показать человека любящего, нежного, эмоционального, ранимого, которого знала и любила моя мать.

Мама была полной противоположностью и Лили Брик, и Татьяны Яковлевой. Умная, интеллигентная, образованная, с прямым характером, она обладала природной красотой, которая шла изнутри. Мама никогда не пользовалась косметикой.

Имея высшее образование, мама не стеснялась браться за простую работу, а когда представилась возможность, стала преподавать русский, немецкий и французский языки в школах Пенсильвании.

Мама никогда не отказывалась от своего русского происхождения, много делала для русской общины.

По поводу своих отношений с отцом она не распространялась, справедливо считая, что кроме их двоих, это никого больше не касается. Его смерть стала для нее большим потрясением.

Встреча с Маяковским, несомненно, изменила жизнь матери, но ни она, ни я никогда не хотели жить в тени Маяковского и, тем более, извлекать из этих отношений какие-то дивиденды.

Следуя заветам матери, я сама выбрала свой путь, добившись всего самостоятельно.

— Когда вы все-таки решили рассказать о себе?

— На тот момент, когда я открыла правду о своем отце, я преподавала в университете, была профессором, имела репутацию ученого, писателя, учителя. Все это было достигнуто мною с очень обычной и распространенной в Америке фамилией Томпсон. В 1985 году умерла мама, а в 1986 году — отчим. Я преподавала в Леман колледже Городского университета Нью-Йорка. Когда приближалась 100-я годовщина со дня рождения Маяковского, я пошла к президенту колледжа Рикардо Фернандесу и предложила отметить юбилей. Мы поставили спектакли «Клоп», «Барышня и хулиган». Торжества продолжались три дня.

— Он не удивился вашему предложению?

— Я ему рассказала, что родилась от такого необычного союза. И это не вызвало здесь никакой необычной реакции. Американцы просто не знают кто такой Маяковский. Русским

понадобилось гораздо больше времени, чтобы признать меня. В России все были уверены, что у Маяковского не было детей, потому что своих детей не было у Лили Брик. Когда я пришла к Евтушенко, он меня спросил: «А где подтверждение? Где документы?» Я ему говорю: «Да вот я сама и есть документ. Посмотрите на меня». Я категорически отказываюсь делать какую бы то ни было экспертизу ДНК, потому что это означало бы, что я не доверяю своей матери.

— Елена Владимировна, когда вы впервые побывали в России?

— Первый раз я приехала в Россию в 1991 году вместе с сыном Роджером. Он адвокат, специалист в области авторского права. Я никогда не думала, что когда-нибудь поеду в Россию, увижу дедушкин дом в башкирской деревеньке Давлеканово. Сейчас в нем детский дом, и если бы мама об этом знала, она была бы невероятно рада.

Мама уехала из России в 1923 году, но очень любила свою малую родину — Башкирию, республику многонациональную и многорелигиозную. Ее родители были потомками выходцев из Германии, переселившихся в Россию при Екатерине II.

После революции мама уехала из Давлеканово и в начале 1920-х годов работала с беспризорниками в Самаре, а потом переводчицей в Американской ассоциации помощи голодающим Поволжья сначала в Уфе, а потом в Москве, где познакомилась и вышла замуж за Джорджа Джонса и уехала с ним в Америку. Брак не был долгим, но, несмотря на развод, они остались друзьями.

— Роджер знал историю вашей жизни?

— Это узнавание шло постепенно. Я вышла замуж за человека из очень достойной американской семьи. Имена его предков значатся среди основателей США: дедушка Роджер Шерман от штата Коннектикут подписал Декларацию свободы, Конституцию и два других основных документа, которые легли в основу законодательной системы страны. Поэтому до того, как стать взрослым, Роджер младший, как американец, гордился своими американскими предками. О Маяковском мы говорили только с мамой, а сына до поры до времени не нагружали тем, что ему было на тот момент сложно понять. Тем более, что в Америке ничего не значит тот факт, что вы являетесь потомками Маяковского или, например, Толстого.

Когда мы приехали в Москву, то сразу пошли в Новодевичий монастырь, где похоронен Маяковский, рядом с моей бабушкой, которую я не знала, и тетями Людой и Олей.

Я привезла часть праха матери, вырыла ямку между могилой отца и тети, перекрестилась и высыпала туда пепел, прикрыв землей и травой.

— Вы сентиментальны?

— Очень! Я поцеловала русскую землю, которая прилипла к моим ладоням. Со времени смерти матери я не теряла надежду, что когда-нибудь часть ее соединится с прахом человека, которого она любила. И сама я физически принадлежу России.

— Вы это чувствуете?

— Да. Но я не могла бы жить в советское время, потому что не хотела бы подчиняться тем, в чьих умственных способностях и интеллекте я, мягко говоря, сомневаюсь.

— Вы феминистка?

— Феминизм феминизму рознь! Все в нашем мире преподносится с точки зрения мужчин: их опыта, их системы ценностей и приоритетов. Потому большинство феминисток думает, что для того, чтобы быть свободной и независимой, женщине нужно стать такой же, как мужчина. Я придерживаюсь иной точки зрения.

— Значит, вы не феминистка?

— Нет, я феминистка, но сторонница того направления, что называется «эстианский феминизм». Я придерживаюсь точки зрения, что женщина должна быть свободна в семье, в выборе карьеры, работы, в политике. Но для этого не следует становиться мужеподобной! При этом и мужчины также должны иметь право делать то, что мы считаем прерогативой исключительно женщин — быть воспитателями, заботиться о детях.

В связи с этим хотелось бы вспомнить, что в древней Греции был культ богини Эсты (известной в Европе больше как Веста), покровительницы дома, семьи.

В древней Греции символом домашнего хозяйства был очаг. И Эста была духом домашнего очага. Когда я впервые приехала в Россию, то поехала в Загорск. Там монах рассказал мне, что означает форма православных куполов. Он сказал, что это струящийся ввысь дым.

Выходит, это то же самое, что греки почитали в Эсте, покровительнице очага.

Как противоположность пространству домашнему, покровителем внешнего мира в греческой мифологии считается Гермес, племянник Эсты, ловкач, обманщик.

Эти пространства взаимно общаются, но то, что мы наблюдаем сейчас, это торжество

Гермеса. Мы забыли Эсту, забыли о доме, о родственных связях.

Я феминистка, но такая, которая ратует за возрождение ценностей дома и семьи, которыми в наши дни женщины жертвуют ради карьеры. Мы должны быть более человечными. Я понимаю феминизм как шаг к человечности, когда женщины и мужчины будут сотрудничать как одинаково значимые для семьи половинки, делить обязанности по дому. Я за свободу женщин. Но я и за то, чтобы мужчины тоже были свободны в своем выборе заниматься воспитанием и образованием детей без того, чтобы ощущать себя женоподобными. Таким образом, мой взгляд на феминизм можно сформулировать так: мы, женщины, в какой бы сфере ни работали, не можем покинуть дом, забросить наши обязанности по воспитанию детей. Но мы на равных правах можем вовлечь в управление домашним хозяйством мужчин, чтобы наполнить нашу жизнь творческим началом.

В связи с этим меня привлекла идея домашней экономики. Значение этой отрасли науки в академических кругах, на мой взгляд, незаслуженно принижается. Она рассматривает вопросы отношений в семье, воспитания детей, дизайна интерьера, экологии, питания. Тему формирования домашней экономики я рассматриваю в одной из своих книг. Всего же на сегодня мне удалось написать двадцать две книги.

Я воспитывалась без прямого участия отца, но что-то от него внутри меня точно есть. Маяковский писал для молодежи. Я тоже писала учебники для школьников. Творчество Маяковского было экспрессивно и метафорично. Я тоже использую метафоры в моих философских книгах о повседневной жизни.

— На ваш взгляд, Маяковский был свободен в СССР?

— Он старался, но он не был свободен. В 1929 году он пытался провести выставку, посвященную двадцатилетию своего творчества, но ему всячески мешали. Луначарский издал приказ бойкотировать выставку. Никто не пришел. Маяковский был морально истощен, опустошен, уничтожен.

— ...и совершил самоубийство?

— Я не верю, что он намеренно совершил самоубийство. У него было будущее. У него была дочка. Я верю, что он видел себя во мне.

Но он был по горло сыт засильем номенклатуры, бюрократии. Абсолютно разочарован в системе. Если же он и совершил самоубийство, то его заставили. Как истинного аристократа: молча дали пистолет и две пули. Что ему оставалось?

Я верю, что в пожилом возрасте Маяковский пришел бы к вере, к Церкви. Ценности, в которые он верил и о которых писал, и ценности христианства — одни и те же, если освободить их от идеологической составляющей. Это уважение к человеку и работе, которую он выполняет.

Сама я считаю себя либеральной протестанткой, но было время, когда ходила в Греческую православную церковь. А когда я езжу в Россию, то обязательно иду в церковь и ставлю свечи за маму и Маяковского.

...Передо мной стояла дочь своего отца. Так, наверное, я могла бы начать свое интервью. Когда я впервые увидела Елену Владимировну, я увидела Маяковского. Статная женщина с крупными чертами лица, волевым подбородком и такой знакомой по фотографиям поэта вертикальной складкой между бровей. Но это была дочь не того пролетарского горлана, чьи стихи, как образец социалистического реализма, мы учили в школе. В лице его дочери я видела настоящего интеллигента, тонкого, чувствительного человека. Не созданный в угоду системе миф, а человека из плоти и крови. Несколько часов общения раскрыли для меня удивительно сильную духом и обаятельную женщину: интересную собеседницу, виртуозно, словно играя словами, владеющую английским.

Мать и бабушка, ученый и писатель. Потрясающая Патрисия Томпсон. Елена Владимировна Маяковская. Которая живет в Нью-Йорке, в доме с видом на Гудзон.
Татьяна Весёлкина. Нью-Йорк